

**Борис
ПОДОПРИГОРА**
г. Санкт-Петербург

На полях ненаписанного романа, или Состоится ли красно-белое примирение?

Правда или легенда?

*Возможно, это единственная объяснительная записка – почему не получилось написать книгу.
Дело было так: в конце второго десятилетия нынешнего века Карелия, где я тогда работал, готовилась отметить свой 100-летний юбилей (июнь 1920 г. – время создания национальной автономии «Карельская Трудовая Коммуна» в составе РСФСР).
К этому юбилею мне захотелось написать что-нибудь и «карельское», и оригинальное, и документальное, то есть по именам и фактам обращённое к исторической памяти.
Короче, я задумал книгу, сюжет которой, по крайней мере, опирается на карельские эпизоды красно-белого примирения в годы Гражданской войны.*

Ещё одно обстоятельство не имело отношения ни к Карелии, в целом к России, но задело за живое и стимулировало творческий поиск.

Будучи в конце 90-х российским представителем в штабе международных миротворцев в бывшей Югославии, я спросил у весьма вдумчивого американского офицера, на чьей стороне воевали его предки в их гражданской войне.

Вопрос вызвал у собеседника замешательство.

Тогда я скорее позавидовал американцам: свою войну они, как мне тогда показалось, внутренне «изжили» и на том забыли – не то что мы! (Во что это выльется два десятилетия спустя: движение BLM, снос памятников и прочее, в те годы вообразить было трудно.)

*Ну а потом в Карелии я услышал историю, показавшуюся мне отправной точкой в осмыслении этой символической темы.
Собственно, с этого всё и началось.*

Дело было якобы так: в середине 1919 года в семье командира чекистского отряда, действовавшего в районе Петрозаводска, случилась беда. Состояние его беременной жены оказалось таковым, что вопрос встал не столько о рождении ребёнка, сколько о спасении самой женщины. Но происхождения она оказалась непростого. Её родственник (возможно, даже брат), будучи опытным военным медиком, служил у белого генерала Миллера. Служил, скорее всего, неподалёку – в Северной, ныне Архангельской губернии-области. Мужу-чекисту удалось через посыльного попросить его приехать под гарантию возвращения, так сказать, к месту службы. Медик-белогвардеец согласился, но с условием. Оно состояло в том, чтобы «обменять»

свой визит на другой. Речь шла тоже о враче, знакомом белогвардейцу по Первой мировой. Со слов рассказчика, сославшегося на потомков «красного» врача, его архангельский коллега сказал приблизительно так: «У меня в штабе бушует цинга. А у вас в Петрозаводске есть еврейчик – вот бы нам его! (Возможно потому, что он – стоматолог.) Так что давайте: я – к вам, он – к нам». Так и сделали. Насколько «стоматолог» помог «белякам», неизвестно. А в Петрозаводске в 1919 году появилась новая жизнь... И маму спасли.

Эта история показалась мне интересной, хотя детали вызвали вопросы. Например, почему потомки петрозаводского врача ничего не рассказали о его путешествии к «белякам»? Что он у них делал и как вернулся (если вернулся)? Да и цинга, кстати, не столь характерная для Севера, ни в чьих воспоминаниях о миллеровской армии отдельно не упоминается. Так что этот сюжет я не забыл. Но стал искать дальше. Вот что мне подсказали историки.

Приблизительно тогда же и там же могло произойти ещё одно событие, также имеющее отношение к гипотетическому красно-белому компромиссу. Речь идёт о командировании адмиралом Колчаком своего доверенного лица для выработки общего подхода к Финляндии. Смысл подобной координации мог состоять в исключении финнов из Гражданской войны в России. Было упомянуто даже имя этого посланца – штабс-капитан Лобанов или Лобачов. В развитие темы я услышал намёк на то, что подобные согласования могли пройти без «отмашки» из Москвы – что, с моей точки зрения, было нереально.

Историки, имена которых я не называю, чтобы ненароком не исказить их слова, считали, что в Омском центре изучения Гражданской войны могут найтись подтверждающие документы. Туда я и обратился. Меня ждало разочарование. Сотрудники центра признали, что я не первый, кто проявил интерес к этой, как сразу было сказано, легенде. Но документов, сколько-нибудь её подтверждающих, у них нет. Правда, весьма обтекаемо предположили: возможно, историки имели в виду штабс-капитана Лодыженского, который действительно координировал действия Колчака с Юденичем и не исключено, что и с Миллером. В этом контексте могла фигурировать и Финляндия. Но речь шла как раз о поддержке финнами Юденича. Что исключало договорённости с красными.

На этом можно было поставить точку: легенд много, но документов нет. Но не всё так просто: позднее, общаясь с парижскими потомками видных белогвардейцев, я пытался собрать хотя бы намёки на то, что случаи красно-белого примире-

ния всё же были. Так вот: один из самых сложных моих собеседников – внук адмирала Колчака Александр Ростиславович – при весьма скурых и неохотных семейных воспоминаниях, как ни странно, признал, что слышал по меньшей мере о попытках деда найти общий язык с красными по поводу Финляндии. Но на прямой вопрос, откуда он об этом знает, ответа я не получил.

Ещё один нюанс: договаривались ли красные и белые командиры о безопасности своих близких, то и дело оказывавшихся то под одними, то под другими? Этот вопрос мне также подсказали знакомые историки. Забегая вперёд, поясню: мои «парижане» признали, что неформальные соглашения заключались, причём по инициативе белых. Прежде всего между красными и белыми казаками, хотя, возможно, и не только между ними... Но красные их не только не выполняли, но, злоупотребив доверием, в первую очередь брали в заложники семьи офицеров. Во всяком случае, если какие-то договорённости и достигались, то они были крайне редки, тем более что подробности ни те ни другие не раскрывали.

«Парижане» приблизительно в той же логике поясняли и фрагментарные эпизоды обмена лекарствами или отказа от боестолкновений, угрожавших одинаково ценным для сторон местным объектам, например плотинам. Бывали и случаи освобождения пленённых (вспомним эпизод из фильма «Чапаев»), правда, чаще их обмена. Но повторю: оценочный ракурс оставался неизменным: белые вели себя благородно, красные – коварно.

Уже с этого места можно предположить отсутствие в историографии Гражданской войны каких-либо «примиренческих» доказательств. Собственно, их я не нашёл ни в мемуарах, ни в беллетристике, по крайней мере, мне знакомых. А догадки, даже если они исходят от историков, не в счёт. Почти ничего подтверждающего замысел книги я не извлёк и из встреч с белогвардейскими «родственниками». Более того, сам мой подход не был ни принят, ни тем более ими поддержан. Так тема книги оказалась закрытой. Увы...

Жертвенность дедов мешает самоидентификации внуков

«Поэтому отношение к Москве ещё не устоялось», – это высказывание одного из собеседников наиболее ёмко характеризует услышанное в Париже. При этом мои парижские «искания» существенно дополнили представления о событиях 100-летней давности. Для начала я хочу поблагодарить тех, кто согласился со мной встретиться. Это князь Дмитрий Шаховской (спасибо

за посредничество недавно оставившему нас представителю в России Объединения членов рода Романовых Ивану Арцишевскому), упомянутый Александр Колчак-внук, прямые и отдалённые родственники генералов Дроздовского, Кутепова, Маркова, Барковского... Этот список можно продолжить, но отношения между потомками «бывших» сплошь и рядом нетерпимые. Прямо с порога мне адресовали вопрос: кто рекомендовал мне того или иного собеседника, кому и с каким вопросом я намерен позвонить ещё?

Я же не исключаю, что к кому-то ещё обращусь или посоветую обратиться. По этой причине обойдусь без полного списка, а также «именных» ссылок на чьи-либо суждения.

Обойду вниманием и характерные телефонные разговоры, которые обрывались после моего «чистосердечного» признания: да, я был членом КПСС и дослужился до полковника. По моральным причинам не назову и французских историков «власовского» происхождения или провласовского толка. Кстати, целый ряд выходцев из бывшего СССР, в частности, находящихся в составе иностранного легиона, дорожат знакомством с эмигрантами: посещают по меньшей мере чаепития после православных праздников, расспрашивают об истории. Это, конечно, деталь, но именно эти выходцы оказались наиболее независимыми, поэтому полезными для меня посредниками в поиске новых имён-источников. Впрочем, спасибо всем, кто помог мне составить впечатление не только о вчерашнем, но и сегодняшнем дне.

Картина представляется пёстрой и двусмысленной. Прибегну к формуле – с одной стороны, с другой... По общему впечатлению, почти никто, по крайней мере из моих собеседников, не забыл об «отеческих гробах». Не забыл, несмотря на нерусские фамилии (реже – имена), не только акцент, но и «примесь» французских слов. Память сохранила трогательные реплики: «Послушайте, как внук говорит по-русски. Мы его в воскресную (православную) школу с 5 лет возим – 70 километров в одну сторону...»

Кстати, о русском языке. В парижском обиходе он отличается от привычного нам некоторыми лексическими и экспрессивными особенностями: «стояли дождливые погоды», «глупоразмётанные силы», «одночревый полубрат», «отработники» (временные рабочие), «нечестие»... Или нередкое восклицание без видимой смысловой нагрузки типа: «да, но это – Париж!» Вообще говоря, академически образованные собеседники особо подчёркивали значение для себя русского языка: «Русский и с оговорками польский – единственные славянские языки, дос-

тигшие высокого уровня развития. Это подтверждается разнообразием причастных-деепричастных конструкций...» Впрочем, в эмигрантской среде бытуют и, так сказать, двуязычные шутки. Так, популярная в Париже торговая сеть *топор* (то есть «Моноп») именуется исключительно как «топор».

В блокноте остались и мои пометки, сделанные по ходу бесед: когда говорим о дореволюционном прошлом, представители аристократических семей более философичны и, так сказать, сухо историчны – пусть и надменны. А начиная с революции возникает впечатление, что и Колчака расстреляли вчера и на их глазах...

Записал я и несколько пословиц, тоже непривычных, но примечательных: «мать и в белой, и в красной юбке всё же мать», «воробей, родившийся даже в конюшне, всё равно не станет жеребёнком»... Правда, несколько надоедали однотипные исторические анекдоты: возвращенец (в 1920-30 гг.) обещал фотографией рассказать, как его приняла советская власть – «Если стою, значит, хорошо, если сиду – плохо». Прислал фотографию, а он – лежит!... Далее – приглашение посмеяться.

Здесь же – не забытые, прежде всего эмигрантские, подробности жизненного пути «бывших»: «три года носил туши на скотобойне. А ведь – полковник гвардии!..» (почему работал грузчиком, а не таксистом, например – позже). Историю Гражданской войны многие знают, но, повторяю, почти всегда со «своей» позиции: «Белые побеждали, но за большевиками стоял сначала кайзер, потом – Лондон...»

Показывали семейные архивы. Самое удивительное то, что Родине они, по-видимому, неинтересны: «Помню, давным-давно приезжал один ваш поэт, интересовался. С фамилией, кажется, Преображенский». – «Может, Рождественский?» – «Да, да, Рождественский... Съездите в Ниццу – там был самый большой архив – выпускников Царскосельского лицея. Правда, что с ним сейчас, не знаю. Старики-то ушли...»

В подтверждение связей с Россией вспоминали тех, кто уже в последние годы обзавёлся в ней квартирами (но пока не переехал!). Объяснение типовое: «исламский фактор». Из-за чего «Париж – *toujours est sous les sirenes de la police* (всё время под полицейскими сиренами)». Поэтому: «раз «тётя Хая» съехала с Батиньоля, значит, совсем беда!»

Некоторые потомки в своём узком кругу иногда посещают «русские кафе». Чаще – *A la ville de Petrograd* – «В городе Петрограде». Оно расположено напротив храма Александра Невского и поражает почти станционной убогостью (как там выступал Эдуард Хиль?).

А далее – с «обещанной» другой стороны: бес-

компромиссное неприятие советской власти в различной степени распространяется и на сегодняшнюю Россию (вновь повторим, какое там примирение!). Но дальше мелочей разговор не шёл: «как мог Маклаков (посол при временном правительстве) прийти на приём к советскому послу в 1946 году?!», «зачем посол Орлов (в 2008-17 гг.) пригласил нас (в то же посольство) под барэльэф вашего... (далее – полуприличное прозвище Ленина)?» Его считают главным идеологом «русской ванदेи» – якобы для этого он даже работал в лондонской библиотеке: других соображений на этот счёт мои «парижане» не привели. Правда, главными «практиками» красного террора они считают Землячку, Бела Куна и Фрунзе. «Знаете, что сказала Татьяна Маррэт (известный экскурсовод по русскому кладбищу в Сент-Женевьев-де-Буа) вашему Путину (в 2000 году)? – «Покайтесь!»

За философской паузой тут же следует очередной анекдот, поясняющий отношение к любым левым: «Если вам нравятся социалисты, воспользуйтесь медицинским полисом, если вы любите коммунистов – неотложную психиатрическую помощь получите без предъявления документов». И снова – приглашающий смех...

Но переход от смеха и даже жёстких суждений к «сопониманию» всё же не исключён. Так, близкая родственница генерала Барковского, проводившая экскурсию по Сент-Женевьев-де-Буа, подвела меня к одному из самых эмоциональных памятников белогвардейцам – мемориалу дроздовцам. Через паузу она поинтересовалась моим впечатлением-настроением. Я отдал бы честь, что если бы был в военной форме, то отдал бы честь. С этого момента наши отношения заметно потеплели.

Кстати, именно в её архиве я нашёл любопытный документ, подтверждающий не столь однозначное отношение ставших уже революционными солдат к «золотопогонникам». Его я воспроизвожу с разрешения хранилища. В оригинальной редакции: «Удостоверение № 911 Дано сие от Исполнительного комитета 75-ой пехотной дивизией бывшему командиру бригады и командующему 75-ой пехотной дивизией солдату Георгию Барковскому в том что он за время своей службы в дивизии ни в каких контр – революционных выступлениях замечен не был и в своих действиях всегда был лоялен и благожелателен к солдатам, что подписями с приложением печати и удостоверяется. (Подпись) 13.1.1918». Конечно, Гражданская война была ещё впереди. Но, может, мы действительно не всё знаем?

Примечательно, что тема участия офицеров-эмигрантов в гражданской войне в Испании в 1936 году была также отклонена. То есть об их участ-

тии на стороне Франко что-то слышали. А о белогвардейцах-республиканцах (о которых я ранее узнал от белградских эмигрантов) говорить категорически отказывались.

Могли ли они победить?

Оказывается, всем поколениям эмигрантов присущи многочисленные расколы, отсюда и взаимное недоверие потомков. Они берут начало как в Гражданской (даже германской) войне, так и дальнейших жизненных перипетиях. Общее место – разделение на монархистов и немонархистов (тех же кадетов и не вполне понятных «республиканцев»), на приверженцев того или иного «дома Романовых» – сторонников великого князя Николая Николаевича (таксистами и на прочих «чистых должностях») работали якобы по его протекции) и его конкурентов, на «настоящих галлиполийцев» и остальных – более «везучих». Наконец, на «французских» и прочих эмигрантов. Даже на приверженцев двух «конкурирующих» литературных подходов – Набокова (который «не скучал по родине») и Зайцева.

Скажу больше: пресловутый классовый раскол распространился и на послереволюционных эмигрантов. По воспоминаниям их потомков, большая часть белогвардейцев была представлена выходцами из низовых сословий – не выше мещан и разночинцев. Поэтому их мало что связывало с «высокоблагородиями», тем более теми, кто ещё выше. Более того, немалая часть эмигрантов из армейской среды в Гражданской войне, по сути, не участвовала, уехала из России в начале 1918 года.

Даже лидеров Белого движения их потомки оценивают часто с «разнесённых» сторон: «настоящие» (такие, как, скажем, погибшие Дроздовский и Марков) и «мемуарные», многие из которых «работали на красных» (здесь – разноречивой с конспирологическими предположениями «родом» из Гражданской войны). Некоторые гипотезы-суждения отдают примитивом: «Гражданская война началась с ареста Корниловым государыни» или «Деникин занимался не армией, а своей женой, а Колчак – любовницей». Мой блокнот испещрён и другими частностями, не вызывающими ничего, кроме недоумения...

Но надо признать: «настоящие белогвардейцы» не приемлют «коллорационистов» («графиня Шереметева сначала работала во французском МИДе, потом – у Риббентропа» /утверждение не проверено/), а также «власовцев», которые «неправдиво приравнивают» себя к послереволюционным эмигрантам. Во Франции их, как оказалось, осело немало. И их ненависть к «Москве» по сей день – животная (примеры обойду, но «пос-

левкусие» приведу в постскриптуме). Правда, из разговора с их потомками запомнилось: «То, что вернули Крым, это правильно». (Впрочем, и другие собеседники были явно не на стороне Киева, тем более прошлых и нынешних бандеровцев. А вот множащиеся – на изгородях православных церквей – предложения на суржике типа «Можу мыти полы» в Париже уже примелькались.)

Не знаю, какой бы вывод сделали вы. Но меня раньше, пожалуй, ничто так не убеждало в исторической предопределённости того, что произошло 100 лет назад. И ещё: на память приходят слова генерала Брусилова, перешедшего, как известно, на сторону красных: «Эти (белые) генералы победить (в Гражданской войне) не могли...»

Нет, до примирения пока далеко. А может, его не будет совсем: уйдут те, кто что-то помнит из первых уст, а четвёртое-пятое поколения будут вспоминать свои корни по лекалам, сложившимся к их зрелому возрасту. Тем более что самые мудрые из моих собеседников предупреждали о меморициде – преднамеренном размывании памяти.

Грустно...

* * *

Конечно же, человек, его мысли и переживания куда интересней любого исследования. Но не уйти от вопроса: почему примирение между красными и белыми до сих пор не состоялось? Более того – а нам-то зачем оно нужно? Что связывает события 100-летней давности с современностью? Ответ может быть таким: в нынешний, трудный для страны

период обостряющегося идеологического и политического одиночества государству и обществу необходимо консолидировать все патриотические силы, в том числе в ближнем и дальнем зарубежье. Из нашего обихода постепенно исчезает такое понятие как «герой Гражданской войны». Правильней говорить о трагедии Гражданской войны: когда дерутся два сына, Родине-матери не остаётся ничего, кроме как молиться за обоих. Тем более что лозунги «За Веру, Царя и Отечество!» и «За Россию, за свободу до конца!» имеют одну и ту же основу.

P.S. Так получилось, что мой неоправданно затянувшийся разговор с историками-«власовцами» предшествовал спланированному посещению кладбища Пэр Лашез. Именно под впечатлением от услышанного мне захотелось непременно побывать у стены, где были расстреляны последние коммунары. Почтить память. Долгий – уже в глубоких сумерках – поиск с многочисленными «переспрашиваниями» наконец привёл к цели, 76-му участку...

Сделал со вспышкой несколько снимков у неприметной таблички (где-то 80x40) Aux Morts au Commune 21-27 mai 1871 (Погибшим в Коммуну). Собрался было на выход, но, несмотря на сгущающуюся темноту, жена заметила, что чуть поодаль кто-то стоит. Кажется, в наушниках. Не просто стоит, а как будто что-то шепчет. Я подошёл к вполне респектабельному мужчине средних лет: «Вы поёте?» – «Да, месье» – «А что?» – «l'Internationale, Monsieur»...

□

Борис ПОДОПРИГОРА

родился в 1955 году в Ленинграде.

По образованию – востоковед (китаист и исламовед), психолог.

Значительную часть жизни занимался аналитической и медийной работой, в том числе в 7 кризисных зонах, включая страны Африки, Афганистан, Таджикистан, Балканы, Северный Кавказ и Закавказье.

Полковник запаса.

Литератор, сценарист, публицист.

Член Союза писателей и Союза журналистов России.

Член творческого коллектива, удостоенного высших кинематографической и телевизионной премий РФ в 2004 году – ТЭФИ и «Золотой орел» – как соавтор сценария телесериала «Честь имею».

Лауреат журналистского конкурса «Золотое перо-2006» в номинации «Личность в журналистике».

